

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 97—108.

Economic and Social Research. 2024. No. 4 (44). P. 97—108.

Научная статья

УДК 1-057.36

doi: 10.24151/2409-1073-2024-4-97-108

<https://www.elibrary.ru/lxgpnv>

Кризис современности как причина суицида

В. Ю. Лебедев¹, Л. В. Удалова²

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

² Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия

¹ semion.religare@yandex.ru

² lv.udalova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы современности, связанные с ростом числа самоубийств. Анализ причин, способствующих росту этого явления, указывает на аномалию социума, его несовершенство, а суицид как феномен можно считать одним из симптомов социальной неустойчивости человека и кризисом современности. Особое внимание уделяется анализу мотивации суицида как поступка, а также поиску путей для решения проблем, порождающих суицид, и предотвращения этого деструктивного явления, провоцируемого кризисными потрясениями, неотъемлемой частью которых становится общечеловеческий кризис, связанный с всеобщими, тотальными трансформациями и разрушениями практик в области как миропреобразования, так и миропонимания. Делается вывод о том, что основу человеческой жизни составляет ценность этой жизни, отсюда необходимость концентрировать внимание на аксиологическом факторе человеческой жизни, где решением проблемы становится обращение к ценностному миру — Wertswelt. Самоубийство — поступок, который совершает человек, поэтому необходимо понимание того, что происходит с человеком, когда итогом этого происходящего становится лишение себя жизни. Философское осмысление заявленной проблемы предлагается сосредоточить на метафизическом распознании и фиксации происходящего с человеком, на диагностировании внешних факторов и обстоятельств.

Ключевые слова: кризис современности, суицид, суицидальное поведение, человек, социум, жизнь, смерть, личность, отчаяние, саморазвитие, ценности, Wertswelt, смысл жизни, существование, поступок

Для цитирования: Лебедев В. Ю., Удалова Л. В. Кризис современности как причина суицида // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4 (44). С. 97—108. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-97-108> EDN: LXGPNY.

Crisis of modern life as a cause of suicide

V. Yu. Lebedev¹, L. V. Udalova²

¹ Tver State University, Tver, Russia

² Tver State Technical University, Tver, Russia

¹ semion.religare@yandex.ru

² lv.udalova@mail.ru

Abstract. The authors examine the problematic issues of modern life associated with the increase in the number of suicides. The analysis of the reasons contributing to the growth of these events points to the anomaly of society, its imperfection, so suicide as a phenomenon can be regarded as one of the symptoms of human social instability and the crisis of modern life. Particular attention is paid to the analysis of the motivation for suicide as an act, as well as the search for ways to solve problems causing the suicide and to prevent this destructive phenomenon, provoked by crisis shocks, an integral part of which is the universal crisis associated with universal, total transformations and destruction of practices both in the field of world transformation and worldview. It has been concluded that the basis of human life is the value of this life, hence the need to concentrate attention on the axiological factor of human life, where the solution to the problem is to turn to the world of values — Wertswelt. Suicide is an act that a person commits, therefore it is necessary to understand what happens to a person when the result of this happening is an act of taking one's own life. It is argued that philosophical understanding of announced problem should be focused on metaphysical recognition and recording of what is happening to a person, on diagnosing external factors and circumstances.

Keywords: crisis of modern life, suicide, suicidal behavior, person, society, life, death, personality, despair, self-development, values, Wertswelt, meaning of life, existence, action

For citation: Lebedev V. Yu., Udalova L. V. "Crisis of Modern Life as a Cause of Suicide". *Economic and Social Research* 4 (44) (2024): 97—108. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-4-97-108> EDN: LXGPNY.

Введение

Актуальность темы заключается в том, что самоубийство, суицидальное поведение человека, его причины и истоки становятся проблемой современности, особенно в молодежной среде, что указывает на несовершенство, аномалию социума, где самоубийство как феномен можно считать одним из симптомов социальной неустойчивости, слабости человека и проявлением кризиса современности. Изучение рисков, обстоя-

тельств, провоцирующих суицидальное поведение, становится первостепенным. Как отметил Ф. М. Достоевский: «Истребление себя есть вещь серьезная <...> слишком серьезная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения» [4, с. 357].

Концептуальная картина суицида и его причин затрагивает разные области гуманитарного знания, однако философское осмысление самоубийства занимает одно из важных и востребованных мест в гуманитарном

знании и позволяет определить истинные причины этого явления.

Цель исследования — прояснение связи суицида с важнейшими характеристиками бытия (прежде всего, с онтологичностью, свободой, ценностной сферой). Ориентиром рассмотрения данной темы служит аксиологический подход, для чего и необходим анализ человеческого бытия, процессов и средств его созидания, организации, где человеческое отношение к собственной жизни и смерти экзистенциально значимо.

Человек понимается как «организация» думающая, мечтающая, желающая, творящая. Если в некотором состоянии у человека *Я* и не-*Я* не дифференцированы, неразличимы — это состояние значительной, неограниченной активности. У человека появляются следующие возможности по конструированию своего бытия:

- по принятым системам норм и правил, известному, утвержденному порядку вещей, — так возникает нормальное человеческое бытие, где миротворчество сопряжено с ответственностью и протекает как самоопределение и преобразование;
- по одной своей свободной, ни от чего не зависимой воле — так происходит нарушение, повреждение, уничтожение, искажение всех смыслов, образов и систем, обусловленных культурой, нормами, и возникает «дикое» бытие, где миротворчество сопряжено со вседозволенностью и протекает как освобождение от законов и норм социума.

Второй вариант ведет к вырождению. Первый — опирается на критерии значимости и формирует сферу идеалов и ценностей, таких внутренних высоких целей человека, ради которых он живет и творит [5].

Почему человеческая жизнь и деятельность должна быть сопряжена с ценностями? Конституирование бытия сопряжено с творчеством, с деятельностью человека, с его поступками. Ответственность человека за свою

деятельность, поступки и творения ориентирована на предпочтительные и значимые для него нормы, меры и критерии, которые и формируют сферу ценностей, а ценности, в свою очередь, обуславливают те цели, ради которых человек совершает свои поступки, — и эти идеалы, ценности и становятся опорой для творения, деятельности человека.

Человек и смерть

Одно из известных определений суицида, принадлежащее Э. Дюркгейму, содержит неоднозначный момент, так как, по его мнению, суицидом должна считаться *любая* смерть, которую индивид осознает и не предотвращает. Сразу придется считать суицидом, кроме всего прочего, любые акты героизма и самопожертвования. Дюркгеймовскому определению, в целом позитивистскому, не хватает ценностного компонента. Жизнь, прерываемую *вопреки* осознанию ее как ценности, к суицидам (во всяком случае, типичным) относить не следует, ибо так определение крайне расширяется, а ценностные аспекты редуцируются.

Представления о природе суицида весьма разнообразны; ниже мы попытаемся выделить основные подходы (разумеется, они могут частично дублировать друг друга):

- *Последовательный биологизм*, описывающий суицид как результат отбора, проигранной борьбы за выживание, жертву, необходимую для выживания всей популяции и т. п. Аутоагрессия суицидентов тоже выглядит иначе (например, К. Лоренц не относил агрессию к внебиологическим и вредным явлениям).
- *Конституциональный подход*, устанавливающий корреляцию суицидальности с теми или иными особенностями конституции, включая дегенеративную или разные типы патологических конституций.
- *Клинический подход*, восходит к Э. Эскиролю и предполагает, что подобные

поступки возможны только в рамках болезни.

- *Социальный подход*, существует во многих вариантах, одна из первых последовательно развитых версий принадлежит Дюркгейму: суицид есть следствие нарушения процессов социальной интеграции. Похожий подход можно обнаружить у П. Сорокина.
- *Психофизиологический подход* (например, по И. П. Павлову): суицид — это результат стойкого торможения рефлекса цели.
- Разнообразные *психологические теории*, в том числе фрустрирование наиболее важных для индивида или группы витальных ценностей, целей и смысла (типичный образец — экзистенциальная психология Л. Бинсвангера, В. Франкла).
- *Адаптационный подход*, может интегрировать перечисленные выше, так как всё зависит от понимания сущности адаптации (подчеркивает динамическую природу человеческой психики и важность его адаптации к окружающей реальности; в контексте суицида этот подход исследует, как стрессовые события и изменения жизненных обстоятельств могут влиять на психоэмоциональное состояние человека и его желание лишить себя жизни).
- *Интегративный подход*, рассматривающий суицид как полифакторный феномен и не отвергающий заведомо конструктивные составляющие иных авторов и направлений.

Смерть как таковая есть прекращение существования субъекта. Однако сложность природы человеческого субъекта делает сложными и все вопросы, связанные с возможными ее изменениями. Ряд религиозных учений предполагают, что смерть есть не *устранение* бытия вообще, но *переход* к ущербному и мучительному бытию, что может трактоваться как наказание свыше. Субъективность сменяется индивидуальностью (и остается лишь мертвое тело,

соотносимое с определенными паспортными данными), потом размывается и она, а продолжают существовать лишь воспоминания, порой очень прочно фиксированные культурой. В настоящее время обсужаются вопросы, например:

- можно ли приравнять к смерти стойкую утрату сознания и вообще картину биоэлектрического «молчания» мозга;
- следует ли в этом случае продолжать использовать поддерживающую аппаратуру (такая чисто биологическая жизнь может длиться долго);
- какой момент нужно считать наступлением смерти (на этот вопрос ищут ответ начиная со времен старых опытов, во время которых химическим или электрическим путем раздражали отделенные от тела головы);
- что такое посмертие, есть ли оно вообще, и если да, то как о нем возможно говорить;
- как соотносятся смерть и умирание и существует ли раннее (преждевременное) и, наоборот, затянутое (запаздывающее) умирание, когда человек «живет не живя»;
- что такое страх смерти и каковы его причины и т. п.

В академическом сообществе самоубийство определяется как поступок человека, в основе которого лежит совокупность действий, обладающих такими характеристиками, как: осознанность, целенаправленность, самостоятельность; результат этих действий — лишение себя жизни. Но цель самого поступка (смерть) — не *результат*, а именно цель.

Так, С. С. Аванесов в работе «Вольная смерть» проводит аналогию между такими определениями суицида, как «добровольная смерть», «самовольная смерть», «вольная смерть». По мнению автора, употребление терминов «добровольная» и «самовольная» не корректно, так как смерть в результате самоубийства нельзя определить ни как

добровольную, ни как самовольную — в связи с тем, что в первом случае термин воспринимается как позитивный в ценностном (аксиологическом) значении, а во втором — самоубийство как таковое рассматривается как поступок, где человек проявляет свою волю (и действует) свободно, тогда как сегодня специалисты сходятся на том, что при суицидальном поведении воля человека напрямую и полностью *зависит* от реальности, от тех обстоятельств, с которыми сталкивается человек; кроме того, во втором определении Аванесова свобода воли человека рассматривается как проблема (и подразумевается, что решение этой проблемы неизбежно).

Применение к суициду такого термина, как «вольная смерть», более корректно, считает С. С. Аванесов, поскольку в этой трактовке отсутствуют обусловленные, определенные установки на сущность данного явления. Однако, по мнению автора, остается открытым вопрос о причинах и необходимых условиях суицидального поведения (поступка), несмотря на то, что определяется его волевой характер [1].

Человек и смысл жизни

Приведем цитаты А. Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. <...> Как определить бóльшую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? Судить должно по действиям, которые следуют за решением» [7, с. 223].

По мнению философа, суицид показывает, выявляет «осознание отсутствия какой бы то ни было причины для продолжения жизни, понимание бессмысленности повседневной суеты, бесполезности страдания» [7, с. 225], когда смерть выступает как аннуляция абсурда жизни [7, с. 224].

Существование человека не исключает биологический план, но трудно представимо без целевого и смыслового компонентов. По А. Камю, свобода человека предполагает «либо уйти, либо остаться. Необходимо знать, как уходят и почему остаются» [7, с. 241].

А. Камю поднимает «вопрос о связи самоубийства с мышлением индивида. Самоубийство подготавливается в безмолвии сердца» [7, с. 224]. Также он говорит: «Необходимо понять ту смертельную игру, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света» [7, с. 224].

Суицид и кризис современности

Актуальным представляется анализ мотивации суицида, суицидального поведения, поиск путей решения и предотвращения этого деструктивного явления в свете кризисных, глобальных потрясений, которые сопряжены с общечеловеческим кризисом, с всеобщими, фронтальными, тотальными трансформациями и разрушениями практик в области как миропреобразования, так и миропонимания.

Для этого необходим поиск ответа на экзистенциальный вопрос — что побуждает, мотивирует людей к суициду, какие причины, тенденции, установки толкают их на такой шаг, как лишение себя жизни. Чтобы осознать мотивацию самоубийцы, важно понять мировоззренческий взгляд такого человека на мир, на его взаимоотношение с этим миром, и проанализировать, какие вызовы социокультурной идентичности провоцируют такой феномен, как суицид.

Кризис современности проявляется в построении массового, коммерческого, технологического, потребительского общества, в игнорировании культурного многообразия социокультурных идентичностей, групп, сообществ, в замене культуры, способствующей сохранению культурного кода, духовно-нравственных ценностей, традиций, духа

коллективизма, массовой культурой (западной), культивирующей другие, иные ценности, такие как технократизм, индивидуализм, конкуренция, потребительство [17]. Одним из главных компонентов среди причин суицидального поведения считается угроза потери идентичности — поскольку, по определению В. А. Соснина, «культурная идентичность является той ретортой, в которой человеческое выживание и целеполагание сливаются воедино, давая смысл человеческому существованию, жизненным целям» [15, с. 46].

Если рассматривать содержание кризиса, переживаемого современностью, можно выделить следующие аспекты, сопровождающие человека:

- разрушение, деформация подлинности, оригинальности, самости;
- потеря солидарности, сплоченности, доверия, автономизация, уход от живого общения;
- искажение социальной справедливости;
- истребление традиционных духовно-нравственных ценностей, традиций;
- смена действительности, реальности с объективной на цифровую;
- утрата идентичности, субъектности, одиночество, страх.

Кризис современности выявляет неспособность человека идентифицировать, определить свою судьбу, действия, что ведет к такому опасному потрясению, как утрата своего *Я* в сущем. Как отмечал С. Кьеркегор, потеря своего *Я* — это опасная угроза [8], однако потеря *Я* в сущем — еще опасней, так как «утрата *Я* как имманентного контента гуманизируемого сущего — фатальна, — препятствует становлению самого себя, погружает в протрацию тотального отчаяния» [6, с. 10].

- Утрата *Я* как таковая — трагична, заразна, мучительна, однако не неотвратима, поскольку исправлению ситуации способствует самосовершенствование, самореализация человека, его личностный рост, практики воспитания и образования.

— Утрата *Я* в сущем — катастрофична, поскольку она полностью погружает человека в мир всеохватывающего, сплошного отчаяния, становясь барьером для развития, формирования, совершенствования самого себя; такая утрата может быть необратима.

В условиях кризиса современности отчаяние, пронизывая все сферы жизни человека, разрушает его *Я*, парализует волю, препятствует участию в саморазвитии таких основных составляющих человека, как *дух, тело и разум* [6].

Рассмотрим эти три составляющих подробнее.

Дух. В философии, по Хайдеггеру, «вопрос стоит о бытии целого человека, кого привыкли считать телесно-душевно-духовным единством» [18, с. 48]. Благодаря духу совершается трансцендирование бытия, а бытие становится существованием. Дух — основа личности и всего, что ею фундируется. Дух творит свободу в позитивном аксиологическом смысле.

Тело. Еще с эпохи античности с категорией «тело» сформировались системы сравнений, метафор. Тело — источник чувственности (Аристотель). В метафорическом смысле в рамках понятия «тело» рассматривались:

- голова — ей отводили первостепенную роль (поскольку считали, что в ней сфокусированы разум, душа, жизненные силы);
- сердце — определялось как источник чувств и разума (так как полагали, что в сердце присутствует «внутренний человек») (Св. Августин) [9].

Суицид многожды соотносился со спецификой мировоззрения. С одной стороны, это позитивное принятие своего тела и бытия. Здесь можно рассмотреть, как вопрос суицида сопрягается с комплексом проблем человеческой телесности как таковой. Исторически мы знаем большой «разброс» вариантов отношения к нему: от скорее негативного платоновско-гностико-буддийского

до материалистического культа, с множеством переходных вариантов. Отношение к телу влияет, причем нелинейно, на понимание суицида.

Разум. Интеллектуальная среда человека мыслящего, обладающего когнитивными способностями, строится на умении и способности:

- нестандартно мыслить, целесообразно поступать (так проявляется собственно разум — как мышление бесконечное, которое подытоживает, обобщает, подводит результаты умственного множества под единые убеждения, принципы, взгляды);
- рассуждать (так проявляется обладание рассудком — как мышление конечное, которое направлено на систематизацию умственного множества, на мыслительное регулирование, регламентирование).

Человек применяет когнитивные, разумные возможности в своей деятельности и поступках, когда строит современную ему действительность, формирует социум; результатом становится существующий кризис современности, а итогом — обнаружение, раскрытие несовершенных, небезупречных человеческих качеств.

Сутью, содержанием и проблемой современного кризиса стало разрушение подлинности, достоверности как самого человека, так и человечности как таковой.

Человеческая жизнь (в связи с тем, что существование человека искажено современным кризисом, в связи с гипертрофией разумной жизнеорганизации в условиях директивной, категорической регуляции, тотальной унификации и технизации) противоречит жизни разумной, где всеохватывающая рационализация (разум) становится основой зла.

Однако человеческая жизнь зависит не от разума и подчиняется не ему, а самой жизни, основу которой составляют ценности этой жизни, отсюда необходимость концентрировать внимание на аксиологическом факторе человеческой жизни. Решение

проблемы возможно при обращении к ценностному миру (Wertswelt) [6].

Человек существующий

Что такое существование?

Дух — аксиологическое измерение человеческого бытия, его устранение провоцирует потерю, утрату существования, а значит, и личности и свободы. Через категории «что» или «как» невозможно проанализировать такую категорию, как «существование». У Ф. Ницше написано: «...Одно — мысль, другое — дело, третье — образ дела. Между ними не вращается колесо причинности» [14, с. 27].

Исключив третье измерение бытия, образ дела, и не рассматривая его как ценностный критерий реальности, невозможно различить первые два, что лишает возможности провести различия между существованием и сущностью: ведь образ дела раскрывает, определяет пространство и перспективу для существования.

Образ будущего может трансформироваться, поэтому такую категорию, как «существование» (с ее онтологическими чертами), необходимо рассматривать совместно с категорией «перспективность». Рассуждая о перспективности существования, о будущем, необходимо отметить, что будущее выступает как «радикально иное», о чем можно лишь осторожно догадываться. Оно прогнозируемо, а человек вполне способен на поступки, ориентированные на образ будущего.

Если вернуться к вопросу суицида, то нужно заметить, что когда человек определяет будущее как неизбежное, неизменное, это ведет к потере перспективы.

Существование конечно, так как вне временного измерения определяет онтологическую перспективу, но даже и сама смерть в некотором роде есть часть бытия, жизнь проходит в ее «тени». Отсюда во многом происходят экзистенциалистские версии антропологии, включая и «пограничную

ситуацию» К. Ясперса. Определяя существование как пограничную ситуацию, которая противопоставлена «любой успокоенности в гармоничном и замкнутом образе мира» [3, с. 87], можно отметить прерывистость, конечность пути человеческого бытия.

Осознавая свою конечность, смертность (смерть), человек выбирает тот или иной ориентир. Ниже они перечислены:

- *Допущение смерти.* Мортальный сценарий принимается как единственно возможный, хотя и не сверхжелательный.
- *Принятие.* Это может зависеть от наступившей и наступающей смерти, в том числе такой, которая обретает статус медицинского или биологического факта. Вместе с тем здесь важно и сложившееся отношение со стороны индивида (а порой — его группы).
- *Противостояние-проблематизация.* Смерть выступает как проблема, допускающая решение.
- *Влечение и стремление.* В этом случае смерть оказывается смыслообразующей доминантой жизни, вдохновительницей жизнестроительства.

Суицидальные действия совершает не целостная личность, а в некотором отношении несовершенный и дисгармоничный индивид; у него отсутствуют иные пути преобразования самого себя и жизненной ситуации, где он пребывает. Это крайний способ разрешения проблем, «лечение вскрытием». И результат — «иллюзорное изменение, ибо это изменение не ведет ни к чему другому; смерть — это становление, которое делает вид, что становится чем-то иным, но на самом деле становится ничем...» [19, с. 229].

Если для хайдеггерианской философской линии необходимо выделение и описание «бытия-к-смерти», то религиозный экзистенциализм Г. Марселя оперирует уточнением: «бытие-наперекор-смерти» [12, с. 364]. Онтология свободы подразумевает преодоление, а не суицидальное свертывание

жизненной ситуации. Суицид и выражает, и кладет предел бытию, не ставшему полноценным существованием.

Что такое поступок?

По Г. Л. Тульчинскому, «сознательный (волевой) поступок — социально значимая деятельность, мотивируемая самой личностью на основе сознательно принимаемых решений относительно целей, путей и средств их достижения, <...> сознательно программируемое действие, <...> реализует нравственный потенциал личности, ее позиции, установки и стремления» [16, с. 13, 14, 31]. Поступок не случайно связан с вменяемостью, предполагающей свободу и осознание совершаемого, что превосходит чисто волюнтарную концепцию свободы — «свободу от».

Что такое свобода?

Размышляя о свободе, Н. О. Лосский пишет: «Свобода есть величайшее достоинство личных деятелей, необходимое для реализации абсолютных положительных ценностей, но таящее в себе также и возможность отрицательного пути. Свободно осуществляются в мире различные ступени любовного единодушия, но также и различные ступени обособления, противоборства и вражды» [10, с. 290]. Н. А. Бердяев говорит о мистериальности свободы, позволяющей осуществлять акт негации по отношению к имеющемуся ради улучшения и преобразования [2].

Свобода, моделируемая в контексте ситуации, цели, ничего не утрачивает, не становится «уже», ее конкретизация, напротив, раскрывает ее. По Э. Мунье, она «...не излучается спонтанно; она имеет свое назначение или, лучше сказать, призвание» [13, с. 79]; а целеориентированная свобода «прекрасна», она обретает глубоко онтологическое измерение.

Экзистенциальная диалектика свободы предусматривает самоограничение. В плане суицидологии аутодеструкция не только выглядит примитивно и нетворчески, но

демонстрирует как раз дефектность свободы и деформацию личностного облика индивида, решившегося на саморазрушение. По Э. Мунье, «свобода может толкать индивида к протестам и мятежам» [13, с. 75], а возможность «ошибки или греха» является «следствием и условием свободы» [13, с. 95]. Творческая свобода может преображать и смерть.

Подлинная свобода состоит не в чистом выборе альтернатив, а в выборе с ценностным содержанием и аксиологической ориентацией, в негации наличного и выбора, который это наличное задает. При отказе от выбора сама возможность выбора не исчезает — именно поэтому в крайних вариантах сопротивление злу и несовершенству возможно в принципиальном внутреннем противопоставлении. Эту мысль подробно развивал Ж.-П. Сартр.

Деятельность человека укладывается в классическую триаду «цель — средство — результат» или «цель — технология — ценность».

Человек, не осознавая четко и ясно цели своего действия, не способен созидать безрезультативно, беспредметно. Для человека в приоритете не просто действие, а *целенаправленное* действие, в итоге которого — осмысленный, спланированный результат, полученный в соответствии с теми средствами, которые человек затратил для его достижения в процессе своей деятельности.

Рассматривая суицид с позиции философии, изначально необходимо найти ответ на вопрос: *кто* совершает самоубийство. Самоубийство совершает человек. В человеческом бытии суицид, самоубийство — это происшествие, событие, поступок, действие. Отсюда следует, что субъектом самоубийства необходимо считать человека в совокупности с его характеристиками, такими как «свобода», «воля», «личность», «существование», «дух», «поступок».

Заключение

Причины суицида, суицидального поведения возникают из культурных, социальных условий жизни человека и перспектив развития современного социума. Для определения причин, толкающих человека на самоубийство, необходимо выделить основные аспекты кризиса современности, способствующие трансформации идентичности личности и ведущие к суициду.

Современный кризис и осложненные им условия жизни генерируют неопределенность, неудовлетворенность, неспособность человека реализовать свои цели, собственные нужды, потребности, интересы — отсюда и неудовлетворенность своей идентичностью, одиночество, страх, депрессия, а выходом видится акт суицида.

Сегодня человечество сталкивается с такими проблемами, как всеобщее, всеобъемлющее отчаяние, сопровождающееся надломом души, порождаемое самораспадом человечности.

Признавая кризис современности, необходимо бороться с причинами, порождающими кризис социокультурной идентичности в обществе, возрождая традиционные духовно-нравственные ценности, меняя социокультурные основы жизни, порождающие такой феномен, как суицид.

Современность в глобальном плане сопряжена с серьезными, значительными изъянами, дефектами, проблемами мироустройства, требующими оздоровления социальной действительности. Цель такого оздоровления:

- сущее созидает не индивид, а род — отсюда необходимость увеличивать проекцию субъектности с человека до человечества;
- мирозидательную опору сущего образует деятельность объединенная, сплоченная, консолидированная — отсюда необходимость перехода от действия к деятельности;

— сущее созидают по благим, гуманным, общепризнанным намерениям — отсюда необходимость расширять, увеличивать деятельность мотивацию от цели к ценностям.

Как рассуждал Марк Аврелий: «Если душевное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане» [11, с. 122].

Исходя из того, что самоубийство совершает человек, просматривается необходимость понимать, что происходит с человеком, когда итогом этого происходящего становится самоубийство. Вопрос «что происходит с человеком?» — это вопрос о человеческой природе, философское осмысление которого направлено на метафизическое распознавание, фиксирование происходящего с человеком, на выявление, диагностирование внешних факторов, симптомов, ситуаций, обстоятельств.

Современный мир быстро меняется. В каком мире существует человек и что происходит с внутренним миром человека, совершающего самоубийство? На чем основывается принятие суицида как решения всех проблем и его непринятие, осуждение?

Найти ответ на эти вопросы можно в понимании взаимосвязи таких понятий, как «человек» — и «человечность».

Человек как *маркер своих целей* самостоятелен в своих поступках, конечен, но как представитель комплексного человечества — бесконечен, сопричастен и представляет само человечество.

Человечество как *генератор общих целей* — независимый творец и исторического, и социального соответствия мерам, нормам, целям, ценностям. Человечество как *организация родовая* генерирует, фокусирует, распространяет всё общезначимое — то, что имеет общее для всех и всего ценность и значение. Чтобы встроиться, вписаться

в родовую деятельность, необходима координация, достижение общего с ней понимания, согласия относительно индивидуальных, самостоятельных действий человека и их соответствия общепринятым ценностям и целям.

Согласованность «всеобщезначимого», универсального с индивидуальным, переход от действия к деятельности, усваивание и разделение общепризнанных традиционных духовно-нравственных ценностей позволит человеку относиться к сущему, воспринимать себя и других через «мироотношение человечества», а его существование будет подчиняться самооценке и ответу на вопрос: что я из себя представляю и что я сам из себя сотворил?

Список литературы и источников

1. **Аванесов С. С.** Вольная смерть: монография. Ч. 1: Основания философской суицидологии. Томск: Том. гос. ун-т, 2003. 396 с. EDN: QXMXUF.
2. **Бердяев Н. А.** О самоубийстве: психологический этюд. М.: Изд-во МГУ, 1992. 24 с.
3. **Большов О. Ф.** Философия экзистенциализма / пер. с нем. и предисл.: С. Э. Никулин. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя. М.: Эксмо, 2022. 672 с.
5. **Ильин В. В.** Аксиология: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 192 с.
6. **Ильин В. В.** Философия кризиса: человечество на пороге катастрофических перемен: монография. М.: Проспект, 2024. 103, [1] с.
7. **Камю А.** Миф о Сизифе: эссе об абсурде // Сумерки богов: [сб.] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. М.: Политиздат, 1989. С. 222—318.
8. **Кьеркегор С.** Страх и трепет / пер. с дат.: Н. В. Исаева, С. А. Исаев. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Культурная революция, 2010. 488 с. (Классики современности).

9. **Ле Гофф Ж., Трюон Н.** История тела в средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
10. **Лосский Н. О.** Бог и мировое зло: [сб.] / сост. А. П. Поляков, П. В. Алексеев, А. А. Яковлев; прим.: К. Р. Медведева. М.: Республика, 1994. 431 с.
11. **Марк Аврелий [Антонин].** Наедине с собой: с комментариями и объяснениями / сост., коммент. Э. Вашкевич; предисл.: А. Марков; пер. с древнегреч.: С. Роговин. М.: АСТ, 2024. 288 с. (Популярная философия с иллюстрациями).
12. **Марсель Г.** К трагической мудрости и за ее пределы: [пер. с фр. В. Биbihин] // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / [сост. Р. А. Гальцева; пер. и примеч. С. С. Аверинцев и др.]. М.: Политиздат, 1991. С. 352—366.
13. **Мунье Э.** Персонализм. М.: Искусство, 1992. 144 с.
14. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5—237.
15. **Соснин В. А.** Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке / ред. А. Л. Журавлев. М.: Форум, 2012. 255 с.
16. **Тулчинский Г. Л.** Разум, воля, успех: о философии поступка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 214 с.
17. **Удалова Л. В.** Суицидальное поведение как индикатор социальной патологии // Современные философские исследования. 2023. № 4. С. 113—119. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2023-4-113-119> EDN: VFZKXH.
18. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем.: В. В. Биbihин; ред. В. [Э.] Айрапетян. М.: Ad marginem, 1997. 452 с.
19. **Янкевич В.** Смерть / пер. с фр.: Е. А. Адрианова, В. П. Большаков, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова М.: Изд-во Литературного инта, 1999. 448 с. (Серия изданий Литературного института им. А. М. Горького).

References

1. Avanesov S. S. *Foundations of Philosophical Suicidology*: monograph. Tomsk: Tomsk State Univ., 2003. 396 p. (In Russian). Pt. 1 of *Uninhibited Death*.
2. Berdyaev N. A. *On Suicide: Psychological Study*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992. 24 p. (In Russian).
3. Bollnow Otto Friedrich. *Existenzphilosophie*. Ed. 9. Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH, 2001. 140 S. (In German).
4. Dostoevsky Feodor M. *The Diary of a Writer*. Vol. 1. Transl. and annot. by Boris Brasol. Hemel Hempstead: Octagon Books, 1973. 1097 p.
5. Il'in V. V. *Axiology*: textbook. 2nd ed., rev. and upd. Moscow: Prospekt, 2020. 192 p. (In Russian).
6. Il'in V. V. *Philosophy of Crisis: Humanity in the Wake of Catastrophic Changes*: monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 103, [1] p. (In Russian).
7. Camus Albert. *Le mythe de Sisyphe*: essai sur l'absurde. Paris: Folio, 1985. 192 p. (In French). Folio essais.
8. Kierkegaard Søren. *Frygt og Bæven*. Indled. og noter ved Niels Thulstrup. 2. rev. udg. København: Gyldendal, 1983. 184 s. (In Danish).
9. Le Goff Jacques, Truong Nicolas. *Une histoire du corps au Moyen Âge*. Paris: Liana Levi, 2003. 200 p. (In French).
10. Losskiy N. O. *God and World Evil*: [collection]. Comp. by A. P. Polyakov, P. V. Alekseev, A. A. Yakovlev. Comment. by K. R. Medvedeva. Moscow: Respublika, 1994. 431 p. (In Russian).
11. Marcus Aurelius [Antoninus]. *Meditations of Marcus Aurelius*. Transl. by G. Long. Introd. by W. L. Courtney. N. p.: Legare Street Press, 2021. 230 p.
12. Marcel Gabriel. "Pour une sagesse tragique et son au-delà". *Pour une sagesse tragique et son au-delà*. Par G. Marcel. Paris: Librairie Plon, 1968. 291—310. (In French).
13. Mounier E. *Le personnalisme*. Paris: Presses Universitaires de France, 1950. 128 p. (In French). Que sais-je? No. 395.
14. Nietzsche Friedrich. *Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen*. Stuttgart: Kröner, 1975. 382 S. (In German).

15. Sosnin V. A. *Psychology of Suicidal Terrorism: Historical Analogies and Geopolitical Trends in the 21st Century*. Ed. A. L. Zhuravlev. Moscow: Forum, 2012. 255 p. (In Russian).
16. Tul'chinskiy G. L. *Reason, Will, Success: On the Philosophy of Action*. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1990. 214 p. (In Russian).
17. Udalova L. V. "Suicidal Behavior as an Indicator of Social Pathology". *Sovremennye filosofskie issledovaniya = Contemporary Philosophical Research* 4 (2023): 113—119. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2023-4-113-119>
18. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993. 445 [+ XIII] S. (In German).
19. Jankélévitch V. *La Mort*. Paris: Flammarion, 1977. 474 p. (In French).

Информация об авторах

Лебедев Владимир Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теологии Тверского государственного университета (Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, 24, корп. № 9).

Удалова Лариса Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии Тверского государственного технического университета (Россия, 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, 22).

Information about the authors

Vladimir Yu. Lebedev — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Professor at the Department of Theology, Tver State University (Russia, 170021, Tver, 2nd Griboedova st., 24, bldg. no. 9).

Larisa V. Udalova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University (Russia, 170026, Tver, Afanasy Nikitin Embankment, 22).

Статья поступила в редакцию 07.10.2024.

The article was submitted 07.10.2024.